Дунай (11)

Как во стольнём во городе во Киеви,
Как у ласкова князя да у Владимера
Заводилось пированьицо-стол-почесьён пир
Дле многих кнезей, дле многих бояров,
Как для сильних-могуцих богатырей,
Как для всех же купьцей-гостей торговых же,
А для всех палениц да преудалых же
Да для всех же хресьянушок прожитосьних.
Эти все были на пир да у их собраны,
Напивались тут все да они допьяна.
Ище ходит князь Владимер да пó полу дубовому,
Он сапог во сапог да поколациват,
Он скопоцька во скопоцьку нащалкиват,
Он и белыма руками да где намахиват,
Злоцяныма перснями нащалкиват,
Он и сам из рецей да выговарыват.
И говорыл князь Владимер да таковы реци:
«Уж вы ой еси, все да мои дружецки,
Уж вы сильни-могуция богатыри,
Уж вы все паленици да преудалыя,
Уж вы все же купци-гости торговыя,
Уж вы все же хресьянушка прожитосьни!
У нас все были в городи поженены,
У нас красныя девушки взамуж повыданы —
Как один-то ле я, да князь, холост хожу,
Я холост-де хожу, да нежонат брожу.
Вы не знаете ле мне да богосужоной,
Богосужоной мне — да красной девицы:
Как котора бы девица была станом ровна,
Станóм где ровна, а ростом вы́сока,
У ей брови-ти церны — да как у соболя,
У ей оци-ти ясны — да как у сокола,
У ей ягодници — да будьто маков свет,
Как бело-то лицё у ей — ровно белой снег,
Как руса-та коса у ей — до пояса?»

Ище большой-от кроицьсе за средьнёго,
Ище средьн-ёт кроицьсе за меньшого,
Как от меньшого — и ответу нет.
Говорыл князь Владимер и о второй раз:
«Уж вы ой еси, вси да мои дружецьки,
Уж вы сильни-могуция богатыри,
Уж вы все паленицы да преудалыя,
Ишше все же купцы-гости торговыя,
Уж вы все же хресьянушка прожитосьни!
У нас все были в городи поженены,
У нас красныя девушки взамуж повыданы —
Как один, князь Владимер, да я холост хожу,
Я холост-де хожу, да нежонат брожу.
Не знаете ле мне да боґосужоной,
Боґосужоной мне — да красной девицы:
Как котора бы девица станом ровна,
Станом-то ровна да ростом высока,
У ей брови-ти церны — да каг у соболя,
У ей оци-ти ясны — да каг у сокола,
У ей ягодницы — да будто маков свет,
Каг бело-то лицо у ей — будто белой снег,
Каг руса-та коса у ей — до пояса?»
Каг тут бóльш-от кроицьсе за средьнёго,
И как средней-от кроицьсе за меньшого,
От меньшого тут же — ответу нет.
И говорыл же князь Владимер во третей раз:
«Уж вы ой еси, все да мои дружечки,
Уж вы сильни-могуци богатыри,
Уж вы все поленици да преудалыя,
Уж вы все же купци-гости торговыя,
Уж вы все же хресьянушка прожитосьни!
Все у нас в городи поженёны,
У нас красныя девушки взамуж повыданы —
Как один-от ле я, да князь, холост хожу,
Я холост-де хожу, да нежонат брожу.
Вы не знаете ле мне да боґосужону,
Боґосужоной мне — да красной девицы:
Котора бы девиця станом ровна,
Станом-то ровна да ростом высока,

У ей брови-ти церны — да как у соболя,
У ей оци-ти ясны — да как у сокола,
У ей ягодници — да будьто маков свет,
Бело́-то лицо у ей — будьто белой снег,
Как руса-та коса да у ей — до по́яса?»
’Ще больш-от-де кроицьсе за средьнёго,
Средн-ёт-от кроицьсе за меньшого,
Как от меньшого тут же — ответу нет.
И-за того же стола из-за дубового
Как выскакивал Тороканушко Заморенин:
«Уж ты ой еси, князь да стольне-киевской!
Ты позволь-ко-се мне-ка слово молвити,
Слово молвити мне-ка да рець говорыти —
Как за то же меня слово да не казнить тебе,
Не казнить-то тебе, меня не вешати!»
Говорыл тут князь Владимер да таковы реци:
«Говори-ко, Тороканушко Заморенин,
Говори-ко, тибе да сколько хоцицьсе!» —
«Уж ты ой еси, князь да стольне-киевской!
Ище есь у вас во далецём цистом поли,
Как во том во роздольици во широком же,
У вас выкопан подгрёб да есь глубокой же,
Посажон у вас во подгреби Дунаюшко Ивановиц.
Ище он-то ведь был мне-ка названой брат,
Он везде-то бывал да всёго видал!»
Как на то князь Владимер да не ослышилсэ.
Отредил он своих слуг, да слуг он верных же,
Он и верных-то слуг своих, неизменных же
Как сходить во далецё цисто полё,
Тут и выпустить Дунаюшка Ивановица
Из того же из тёмного из подгрёбу.
Как пошли-то, пошли ёго слуги верныя,
Ище верныя слуги, да неизменныя, —
И они выпустили Дунаюшка Ивановица
Из того же из тёмного из подгрёбу,
Приводили Дунаюшка к князю ко Владимеру.
И принимал тут ведь князь и стольне-киевской
Как себе же Дунаюшка во резвы руки,
Он садил-то Дунаюшка во передьней угол,

Угощал-то Дунаюшка Ивановица.
Он и спрашивал у Дунаюшка Ивановиця:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын Ивановиц!
Ты не знашь ле ты мне да боґосужоной,
Боґосужо[но]й мне — да красной девицы:
Как котора бы девица станом ровна,
Станом-де ровна, она ростом высока,
У ей брови-ти церны — да как у соболя,
У ей оци-ти ясны — дак как у сокола,
У ей ягодници — да будьто маков свет,
Бело́-то лицо — да будьто белой снег,
Как руса-та коса у ей — до пояса?»
Говорыл же Дунаюшко из своих рецэй:
«Уж ты ой еси, князь да стольне-киевской!
Ище жил-то я, жил во городе во Ляхови,
У того же короля жил ляховиньцкого.
Ище есь у ёго и две доцэри:
Как перва доци — Настасья, поленица преудалая,
Втора доци — Опраксея-королевисьня.
О́цунь она была прекрасная:
И станом-то ровна да ростом высока,
У ей брови-ти церны — да как у соболя,
У ей оци-ти ясны — да как у сокола,
У ей ягодници — да будьто маков свет,
Как бело-то лицо — будьто белой снег,
Как руса-та коса у ей — до пояса!..»
Как на то же князь Владимер да не ослышилсэ;
Говорыл он Дунаюшку Ивановицю:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко Ивановиц!
Ты бери-ко-се силы, да сколько надобно;
Ты бери-ко-се себе да золотой казны,
Золотой бери казны, казны бесцётноей, —
Поежджайте по Опраксею-королевисьну!» —
«То не нать, то не нать да золота казна!
Только дай-ко-се мне-ка силы тры товарыща:
Уж ты дай мне старого казака да Илью Мурамца,
’Ще дай же Добрынюшку Микитица!» —
«Да бери-ко-се коней, которы тебе надобно!»
А как отпили-отъели — от их поехали.

Как ехали до города до Ляхова,
Да до той же стены да городовоей,
А до той же до крепости до крепкоей, —
Да тут у короля да было всё запёрто,
Тут запёрто всё было, прызаложоно.
Как не дёржат тут их да ихны заложоцки:
И заежжают они во город во Ляхов же
Ко тому же королю да ляховиньскому.
Они ставят коней своих ко красну крыльцу,
Они вяжут коней своих к золоту кольцу.
Говорыл же Дунаюшко Ивановиц:
«Уж вы ой еси, мои да вы товарыщи!
Вы подите, вы подите да етой улицэй,
Уж вы бейте народа да у́лками-пе́реу́лками,
Уж вы бейте-машите на обе стороны,
Некого вы во городе не оставлейте же —
Я пойду на Опраксеи-то сватацьсе!»
Он заходит во грынюшку во светлую,
Он цэлом-то не бьёт, низко не кланеицсэ.
Тут стават тут корол[ь] да на резвы ноги:
«Уж ты здрастуй, Дунаюшко сын Ивановиц!
Ты идёшь ко мне по-старому ле, по-прежному,
Ты служить ко мне идёшь верою и правдою?» —
«Не служить к тибе иду не верой и не правдою —
Я иду на Опраксеи-то сватацьсе!
Ты добром-то не дашь — дак возьмём силою:
Как мы три дни проживём — дак весь твой град сгубим!»
И тут выходит король да на красно крыльцо,
Он смотрит по улици по широкой же:
И лёжит у ёго силы да у́лками-переу́лками,
И лёжит у ёго силы — да ровно грези всё.
И заходил тут король да ляховиньской же,
Заходил же он, король, да во свою грыню;
Говорыл же король да таковы реци:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын Ивановиц!
Ты оставь мне-ка народу да хоть для семянов —
Вы возьмите у меня Опраксею-королевисьну!»
Как на то же Дунаюшко не ослышилсэ.
Выходил-то Дунаюшко на красно крыльцо,

Закрычал-то Дунаюшко громким голосом:
«Уж вы ой еси, мои дружья-товарыщи!
Вы оставьте тотаринов дле семенов:
Как возьмём мы Опраксею-королевисьню!»
Как брали Опраксею-королевисьню,
Они брали за белы за руцюшки.
Говорыла же кнегинушка Опраксея:
«Ище нету у мня да постоятеля —
У мне нету тепере родной сёстры,
Как родной-то сёстры Настасьи-королевисьны,
Ище той же паленицы приудалоей:
Не дала бы она меня в обиду же!»
Как садили к Дунаюшку на добра коня —
Повезли-то из города из Ляхова.
Они ехали путём себе, дорогою —
Как наехали на ископыти на лютыя:
Тут ехала невежа проклятая,
Выворацивались ископыти — да будьто пе́цища.
Говорыл тут Дунаюшко сын Ивановиц:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Мурамец!
Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
Вы возьмите Опраксею-королевисьну —
Вы приставьте ко князю ко Владимеру!»
Как садили Опраксею на добра коня
Ко тому же старыку Ильи-то Мурамцу.
Повезли-то Опраксею-королевисьню
Ище тот же стары казак Илья Мурамец.
Как приставили Опраксею-королевисьню
Ко тому же ко князю да ко Владимеру.
Ище тут же Дунаюшко сын Ивановиц
Он поехал-поехал по етим ископытям
Догонять он, догонять невежу проклятую.
Ехал по далецю цисту полю,
По тому же по роздольицу по широкому —
Как наехал-наехал тонко́полотняной шатёр.
Он спускал-то своёго да он добра коня
Как к тому же, к тому же к тонкополотняну шатру —
Отбил-то пшаницу да белоярову
У того же коня да у невежина.

Как зашёл же во етот да во тонкополотняной шатёр:
Как тут спит же невежа, роскинулась.
Нецёго он не спросил — да два он отрока сотворыл,
И повалилсэ тут он с ею сряду спать.
Как стават тут невежа проклятая:
«Как коня напоил — да и колоцьця не закрыл!»
Схватила она сабельку вострую,
Как хотела она у ёго да как главу смахнуть:
«Как сонного мне-ка бить, дак ёго лутше побудить!»
Будила-будила — да розбудить не могла.
Тут жа она да повалиласе.
Просыпалсэ Дунаюшко сын Ивановиц,
Розбудил он невежу проклятую,
Ище ту же паленицу приудалую —
И тут же они да согласилисе,
Согласилисе они да тут и брак принеть.
Садились они да на добрых коней,
Как поехали они да цистым полём же.
Ище ехали-ехали — тут росхвастались.
Говорил же Дунаюшко таковы рецы:
«Как нет же меня да едрене богатыря!»
Говорила же Настасья-королевисьня,
Ище та же палиница преудалая:
«Как в метоцьки метить — дак ище нет лучше меня!»
И тут же Дунаюшку за беду пало.
Говорыл же Дунаюшко сын Ивановиц:
«Я поставлю пе[р]стень в лоб, — да и ты мошь ле попасть?»
Как метила она — дак нараз попала же.
«Уж ты ставь-ко ты пе[р]стень ты себе и в лоб!
Неужеле, ты попала — дак мне не попасть?»
Тут же Дунаюшко метит[ь] меткой стал:
Как первой раз он стрелил — и не дострелил.
Говорыла же Настасья да королевисьня:
«Уж ты ой еси, Дунаюш[к]о Ивановиць!
Уж мы бросим-ко с тобой да ету заповедь!»
Да тут же Дунаюшку и за беду пало.
Он метил же в метоцьку во второй раз:
Он втор-от раз и стрелил — перестрелил.
Говорыла Настасьюшка-королевисьня,

Ёго всяко улещала, Дунаюшка Ивановица:
«Уж мы бросим-бросим да ету заповедь!»
Ишше тут же Дунаюш[к]о [не] ослышилсэ.
А метил-то он в метоцьку во третьей раз —
Он метит-то, метит дак и во белу грудь,
Он во белую грудь да в ретиво серцо.
Он застрелил палиницу да преудалую.
Он вымал-то, вымал да как булат-ножик,
Он ростегивал бантоцьки серебряны,
Он порол-то, порол у ей белы груди;
Он смотрел-то, смотре[л] у ей во белой груди:
И затворёно у ей есь да два отрока,
И два отрока у ей — сын да доци же.
Ище у сына у ей да по колен ноги в золоти,
Как у доцери-то у ей по локот руки в серебри.
Да и тут же Дунаюшку за беду пало,
За велику досадушку показалосе.
Он ставил копьё да во сыру землю,
Он ставил копьё и тупым коньцём —
Он валилсэ на копьё своей белой грудью,
И тут же он тут да прыговарывал:
«Протеки-протеки-да ле тут Дунай-река!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 3 августа 1901 г.: д. Тигля́ва (Тигля́ева) Юромской вол. — от Михашина Михаила Гавриловича, 44 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.